

Игорь Орлав

Колония взаимной помощи

КодМЫ

Научная фантастика

Игорь Орлав

Колония взаимной помощи

«Автор»

2026

Орлав И.

Колония взаимной помощи / И. Орлав — «Автор», 2026

В колонии Створ люди обходятся без денег: чинят вещи, растят детей и поддерживают жизнь на холодной луне, обмениваясь трудом. Мира умеет устроить почти любую такую сделку. Но однажды мастер Лада не может подтвердить готовность защитных комплектов и уходит спать — а без её незаметной работы останавливается ремонт водяного коллектора. Теперь друзьям предстоит решить, кто вправе отказаться, чей отдых нельзя отложить и какими удобствами придётся пожертвовать. Проверкой станут одна настоящая смена, два комплекта и обещание, которое больше нельзя выполнить за чужой счёт.

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая занавеска	6
Глава 2. Возвращение ящика	8
Глава 3. Ещё немножко	10
Глава 4. Пустая строка	13
Глава 5. До следующего звонка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Игорь Орлав

Колония взаимной помощи

Все персонажи и события этой книги вымышлены. Возможные совпадения с реальными людьми и обстоятельствами случайны.

Глава 1. Чужая занавеска

Мира поймала падающий пирог локтем, прижала к груди и только тогда поняла, что обе руки у неё заняты чужой занавеской.

— Не двигайся, — сказал Сава.

Он подставил под пирог лопатку и осторожно отнял его у её куртки. На тёмной ткани остался полукруг светлой муки.

— Целый, — объявил он. — Почти торжественный.

— А я думала, ты специально бросаешь. Проверяешь мою готовность помогать.

— Тебя проверять поздно. Ты уже всё схватила.

Мира рассмеялась и положила занавеску на свободный конец кухонного стола. Вдоль подола ещё торчали булавки. Утром Агата попросила укоротить её для маленькой комнаты в «Лодке», где после обеда спали дети. Мира взялась, но обнаружила, что не умеет проводить прямую строчку через толстый шов. Сава умел: когда-то в дороге он шил чехлы для приборов, а после высадки привычка осталась. Теперь Мира должна была вместо него час принимать возвращённую кухонную посуду. После этого он обещал прийти в театр и помочь с занавесом. Никто не выяснял, насколько час с липкими мисками равен двадцати минутам за машинкой.

Сава хотел поспеть на разговор с дочерью, жившей далеко отсюда, на другой станции; Мира хотела, чтобы над детскими кроватями не висела булавоочная ловушка. Оба получили нужное.

У стойки пожилой мужчина пытался вернуть маленький ковш. Ручка была обмотана мягким шнуром; без него больным пальцам не удавалось держать посуду.

— Он у меня уже неделю, — сказал мужчина Саве. — Я всё ничего не придумаю взамен.

— Так он и сделан тебе, — ответил Сава. — Ковшу всё равно, сколько неделя длится.

Мужчина всё же не уходил. Тогда Мира попросила его после завтрака послушать её новую пьесу. Ей надо было понять, где непонятно, а друзья слишком хорошо знали замысел и смеялись заранее. Мужчина согласился с заметным облегчением, но ковш оставил при себе.

Мира проводила его взглядом. Она сама не всегда могла просто принять то, что ей давали. Когда-то ей казалось, что здесь, вдали от прежних привычек, это быстро пройдёт. Не прошло. Зато можно было помнить про чужую неловкость и не тыкать в неё пальцем. Утро оставляло место даже для такой небольшой осторожности.

По пути к мойке она увидела на доске объявлений своё имя, написанное чужим угловатым почерком: «Мира, рама готова». Под надписью был нарисован человечек с длинными волосами и необычайно длинными ногами. Мира сдвинула прямые тёмные пряди за уши, вытянула шею и сравнила себя с рисунком.

— Лицо похоже, — сказал проходивший Ратмир.

— Лица там нет.

— Вот именно. Я ещё не успел его сделать.

Он нёс под мышкой раму из тонких реек. Два прежних владельца уже использовали её в разных целях; для театра она годилась лучше, чем для каждой из них. Мира взамен собиралась провести вечер с Никой, чтобы Дан и Ратмир закончили привод фигурок. Дан, в свою очередь, взял у Евы дежурство на внутреннем водяном пульте, освободив ей утро для урока с подростками. Это не была аккуратная цепь. Обещания ветвились, некоторые оставались открытыми неделями. Когда человек болел или просто приходил обедать без предложений, Сава всё равно ставил перед ним миску.

Уже пятый год Створ жил на холодной Лесте, и у ста шестидесяти восьми поселенцев накопилось множество способов быть друг другу полезными. Мира любила утренние часы, когда способы складывались сами. Ей оставалось позвать одного, напомнить другому, убрать

ненужную ступеньку между двумя желаниями. К десяти часам выяснилось, что урок подростков можно провести прямо в мастерской: Еве нужны были помощники, чтобы собрать стеллаж. Четверо желающих нашлись раньше, чем высох мел на доске.

Мира провела у мойки обещанный час. Руки согрелись; кухонное окно запотело по краям. За прозрачной внутренней перегородкой Агата развешивала готовую занавеску, держа булавки в закрытой коробочке. Пожилая женщина рядом с ней придерживала нижний край. Они о чём-то спорили и смеялись. Дети протискивались мимо, не замечая, что проход только что стал уютнее.

Когда последнюю миску поставили сушиться, Мира пошла в «Лодку».

Общественную галерею называли так за длинную форму и выгнутый потолок. Снаружи над её оболочкой лежал серый свет; внутри пахло влажной землёй, тестом и нагретыми перилами. Узкий декоративный ручей проходил между ящиками с растениями. Его вода никуда не убегала, а возвращалась под настилом. Рядом стояли кресла, несовпадающие по высоте и происхождению. Агата считала их несовпадение достоинством: каждому можно было найти удобное.

В конце галереи Дан испытывал шумовую машину. Он повернул ручку, и из картонной коробки донёсся звук, похожий на недовольное полоскание горла.

— Космический ветер, — пояснил он Нике.

— Папа, это ты, когда тебе попало мыло.

— У нас семейное сходство с космосом.

Ратмир, сидевший на полу, поднял проволочную фигуру сторожа. У фигуры были согнутые колени и крошечная метла. Одно движение пальца — и сторож сердито замёл собственную тень. Мира присела рядом. Они готовили пьесу о человеке, который так старательно следил за чистотой, что однажды вымел из комнаты дверь и не смог выйти.

— Ему надо сразу дать запасную, — сказал Ратмир.

— Тогда не будет пьесы.

— Зато у человека будет дверь.

Дан засмеялся раньше положенного места, сломал звук ветра и начал разбирать коробку. Мира поймала себя на том, что улыбается ещё до реплик. В этом маленьком углу никто не просил у них серьёзных решений. Можно было сделать нелепую вещь, и другие немедленно делали её ещё нелепее.

Лада заглянула из прохода, положила на край сцены металлическое колечко.

— Для вашего сторожа. Чтоб голову не терял.

У неё были широкие руки, квадратное лицо и коротко остриженные седые волосы; прядь у правого виска блестела почти белым. Она взяла фигурку, поправила соединение и вернула Ратмиру прежде, чем он успел спросить, как это сделано.

— Останешься? — спросила Мира.

— На спектакль сяду. В воскресенье. Хочу посмотреть, куда вы денете дверь.

До воскресенья оставалось шесть дней.

У Миры пискнул браслет. Через полчаса начинался выход в восточный тоннель. Ратмир положил фигурку на ткань, Дан закрыл коробку. Ева уже ждала у шлюза.

На скамье возле входа стоял потёртый оранжевый ящик. На углах выступал белый материал, в царапинах лежала тёмная пыль, которую не брала щётка. Лада провела ладонью по защёлке, проверила подвесную карточку и подала ящик Мире.

— Этот Ратмиру. Второй Еве. Сначала карточки, потом застёжки.

Мира кивнула. На ближайший час её доска обменов оставалась без хозяйки: у шлюза нельзя было одновременно отвечать всем.

Глава 2. Возвращение ящика

Ратмир и Ева вернулись через пятьдесят четыре минуты. Мира дождалась выравнивания давления и лишь после разрешающего сигнала открыла внутреннюю дверь. В помещение пахнуло нагретым материалом защитных оболочек; в смотровом окне закрытого наружного люка белел негерметичный тоннель.

Через прозрачную внутреннюю стену была видна жилая галерея. Сава катил мимо низкую тележку с хлебом. Внешняя оболочка поселения держала воздух вокруг всех троих; стена между ними и Савой всего лишь отделяла рабочий проход. Иногда гостям нравилось думать, будто они смотрят на людей сквозь вакуум. Мира всегда поправляла: красивое впечатление не стоило путаницы возле шлюза.

Ева первой сняла шлем. На переносице осталась узкая красная полоска. Она некоторое время молча сидела, опершись локтями о колени, потом потянулась к питьевой трубке.

— Возврат теряем на муфте, — сказал Ратмир. — Старое место. Теперь виден след.

— На какое время хватит? — спросила Мира.

— В ограниченном режиме работает. Для обычного расхода мало. Дан скажет точнее.

Они ходили осматривать восточный коллектор, по которому вода из замкнутого цикла возвращалась в накопитель. Датчики показывали постепенную потерю, и хотелось верить, что виноват один из внутренних отводов. До него можно было добраться без защитного комплекта. Ратмир принёс другое известие.

— Запасная есть? — спросила Ева.

— Одна, — ответила Мира. — Проверенная. В кладовой.

Ратмир попросил отметить ещё опору рядом с муфтой. Она стояла неровно; между нижним краем и направляющей почти не осталось зазора. Сегодня они не разбирали узел и не могли сказать, свободно ли снимется крепление.

— На рисунке покажешь? — спросила Мира.

— После еды.

Так звучал обычный ответ. Но он почему-то заставил её посмотреть на часы. В расписании на завтра место для замены ещё было пустым, и пустота уже казалась ей приглашением.

Ратмир отстегнул наружные накладки. Под коленом на ткани осталась полоса серой соли. Ева подняла свою перчатку и показала неглубокую светлую канавку на ладони.

— Об край. Без прокола. В журнал внесла.

Лада, пришедшая принять комплекты, не ограничилась кивком. Она поставила перчатку отдельно, рядом с карточкой Евы, развернула ладонью вверх и попросила показать, каким движением та задела край. Ева повторила движение. Лада записала, не торопя её.

Мира уже читала сообщения, накопившиеся за час: искали ключ от кладовой, человека на вечерний урок, того, кто знает, куда делся короткий кабель. Никто не сердился, что пришлось ждать. Из «Лодки» прислали снимок новой занавески. Мира показала его Еве и получила усталую улыбку.

Оранжевый ящик закрылся с неодинаковым звуком двух защёлок. Лада придержала правую, пока Мира дожимала левую.

— Можно на тележку? — спросила Мира у Савы через открытую дверь.

— Если хлеб не против.

Лада подложила под ящик чистый рабочий коврик. Сава поставил хлеб выше, на откидную полку; ящик занял нижнюю площадку. Второй комплект Лада понесла сама. От шлюза до обратной было меньше сотни шагов, но на этом пути располагались кухня, общая кладовая и вход в «Лодку». У каждого места имелась своя причина задержать человека.

Возле кухни Саву попросили забрать пустую кастрюлю. Мира придержала дверь. Агата вышла навстречу с отломившейся оконной ручкой: её следовало только посмотреть, не чинить сейчас. Лада взяла ручку свободной рукой. У кладовой нашёлся ключ, зато выяснилось, что дверь заедает. Ратмир, уже без защитной оболочки, присел к нижней петле.

Мира видела, как хорошо всё складывается. Сава не делал отдельного рейса за кастрюлей. Ратмир был рядом именно тогда, когда понадобился. Лада сразу сказала, что ручку можно вернуть на место, если поменять малую шайбу. Три неприятности исчезли прежде, чем успели стать просьбами на общей доске.

У поворота им помог Павел, ещё один из немногих в Створе, кто имел допуск к внешним работам. Он придержал тележку за переднюю перекладину, пока Сава освобождал колесо от намотавшегося кухонного полотенца.

— Ящик-то опять твоего цвета, — сказал он Ладе.

— Это он моего цвета. Я раньше поседела, чем он облез.

Павел рассмеялся, отцепил полотенце и протянул ей. Лада попросила отнести его в стирку. Сделал бы это любой, но ей всё равно стало легче от того, что не пришлось самой.

Мира задержалась на повороте, выпуская людей из кухни. За стеклянной стеной мальчик поехал на коленях по гладкому настилу. Мать поймала его за воротник. Никто из них не посмотрел на ящик: тот давно сделался частью обстановки, как решётка в полу или серый шкаф у двери. Даже Мира замечала его главным образом тогда, когда он оказывался не готов к назначенному часу.

В оборотной ящик поставили на длинный стол. На стенде за ним пустовали два раздвижных держателя. Другого стенда в Створе не было. Под нижней полкой лежала оболочка третьего комплекта, давно разобранного на запасные элементы; её сложенные пустые рукава напоминали Мире одежду человека, который куда-то вышел.

Влас принёс тёплую воду и чистые лотки. Ему было двадцать четыре, но рядом с Ладой он невольно выпрямлялся, как подросток у доски.

— Могу начать манжеты, — сказал он.

— Начни с записи поступления.

Он вписал время, номера, замечание Евы. Затем Лада разрешила ему снимать первое кольцо. Влас повернул его, остановился, посмотрел на отметку.

— Не туда, — сказала Лада и взяла деталь.

— Я ещё не повернул.

— А собирался.

Она освободила кольцо одним движением, слишком быстрым, чтобы Мира поняла устройство замка. Влас убрал руки. Лада этого не заметила: она разглядывала канавку, в которой сбились едва видимые крупинки.

— Вот из-за такого потом и травит. Снаружи всё красиво.

Мира спросила, сколько займёт подготовка.

— Если никто не трогает, руками часа два. Потом три часа сушится. Потом проверка. Если обнаружится повреждение, отдельно.

— Значит, к утру можно?

Лада посмотрела на второй комплект, потом на отломанную ручку у края стола.

— Можно, — сказала она.

Мира ушла с этим словом, успев поставить в завтрашнем расписании светлую предварительную отметку. Позади неё Влас спросил, как отличать след соли от потёртости. Лада начала объяснять, но из кухни позвали: на тележке осталась закрытая коробка с хлебом.

Глава 3. Ещё немножко

К шести вечера на столе Лады стояли три чужих чашки. Она не помнила, кто принёс первую. Во второй остыл чай; третья была чистой, её хотели отдать Саве и почему-то оставили здесь. Лада сдвинула чашки к стене, освободив место для лотка с манжетами.

Одно кольцо она уже осмотрела дважды. Не потому, что сомневалась в результате: оба раза ей приходилось останавливаться и уносить лоток, чтобы никто не задел его локтем. После возвращения Лада начинала с прежней отметки. Уверенность, что ты успел посмотреть, отличалась от уверенности, что посмотрел.

Влас пробыл до трёх. Потом ему надо было на занятие по страховочным линиям. Он предложил пропустить.

— Тогда следующим летом опять будешь учеником, — ответила она.

— Так я бы сегодня научился здесь.

— Здесь ты всё время будешь. Иди.

Теперь Лада думала, что стоило оставить ему хотя бы один узел. Она сказала себе это без особого раскаяния. Возиться с учеником было дольше, чем сделать самой; время на обучение никогда не лежало отдельно, чистое и свободное, как запасная ткань. Его выкраивали из той же полосы, из которой уже выкроили смену.

Она проверила записи Ратмира. Возле замечания о соли стоял небольшой рисунок сапога. У него была привычка рисовать предмет, если слова не передавали место. Лада любила его рисунки: с ними не приходилось искать человека и выяснять, какая именно правая сторона имеется в виду. На обороте карточки осталась короткая проволочка от театра. Она вынула её, распрямила и положила в коробку мелочей.

В дверях появился Дан с Никой.

— Мы принесли ужин, — сказал он, поднимая миску. — И ничего не просим.

Ника тут же спросила:

— А можно колечки, которые совсем нельзя обратно?

— Вот, — сказал Дан. — Она нарушила наше соглашение.

Лада рассмеялась и выдала девочке два отбракованных кольца из отдельного ящика. Ника примерила их к картонному сторожу. Одно годилось на воротник, второе казалось слишком большим даже для колёс.

— Это будет дверь, — решила Ника.

— Круглая?

— Он же её вымел. Какая осталась.

Лада попробовала суп. Он был горячим и густым, и на несколько минут помещение перестало казаться ей слишком маленьким. Дан сел на ящик возле двери, вытянув длинную шею, чтобы видеть рабочий стол.

— Вода держится, — сказал он. — Я прижал обычный расход. Восточный пока возвращает меньше, чем надо для всех привычек сразу.

— На ночь перекроете?

— Нет. На малом потоке остаётся в работе. Полный накопитель без него дал бы тридцать шесть часов на необходимое. Если жить как сегодня утром — примерно десять. Но нам нет смысла сейчас его полностью отключать.

— Души уже ругаются?

— Люди. Души пока сдержанны.

Лада поставила миску на чужую чистую чашку, как на подставку. Дан заметил, но промолчал. Ему надо было возвращаться к вечерней проверке; Ника должна была ждать его в «Лодке». Девочка спрятала кольца в карман и спросила, придёт ли Лада смотреть репетицию.

— Я в воскресенье приду. Уже обещала.

После их ухода она некоторое время ела медленно, слушая сквозь стену ручей. Потом загорелась лампа на панели: освобождалось время полной мощности для сушильного стенда. Лада ещё не закончила мойку второго набора. Она отложила ложку.

Пока вода стекала с вымытых деталей, Лада решила записать последовательность для Власа. Она вытащила чистый лист и вывела: «Сначала сверить поступление». Подумала, приписала: «Не по памяти». Дальше надо было объяснить, что делать с замечанием к отдельному элементу, если весь комплект на первый взгляд исправен. Лада знала десяток таких случаев и никак не могла выбрать один для начала.

Попросили ножницы. Она подняла голову.

— На крючке.

— Эти только ткань берут.

Лада нашла другие, вытерла ручки, отдала. Вернувшись к листу, увидела на нём мокрый отпечаток своего запястья. Она перевернула бумагу чистой стороной вверх. Если писать для ученика, следовало сесть с ним рядом, дать в руки настоящее кольцо, показать различие пальцами. Список без этого легко превращался в разрешение делать неправильно, зато уверенно.

Лада убрала лист в нижний ящик. Завтра, после сна, можно будет придумать лучше. Или послезавтра: завтрашнее утро она уже отдала себе и не хотела торговаться с собой ещё и об этом.

В семь с четвертью вернулась Мира. Под мышкой она держала рейку с подвешенными силуэтами. У дверей рейка зацепилась за косяк, сторож сделал полный оборот и остался висеть вниз головой.

— Вот к чему приводит излишнее усердие, — сказала Мира.

Лада помогла освободить проволоку. Мира заговорила о завтрашнем выходе. Новую муфту можно было поставить утром, пока в «Лодке» ещё немного людей, а Дан свободен от урока. Ева и Ратмир успевали отдохнуть положенные восемь часов. Оба предварительно согласились. После ремонта они хотели разобрать старые крепления, чтобы не возвращаться без нужды.

— Они пока не знают, что там с опорой, — напомнила Лада.

— Знают, что надо посмотреть. Я не написала им лишнего.

Лада кивнула. Её интересовало другое.

— Завтра меня до обеда нет.

— Помню. Только выпуск. И всё. Влас перенесёт, я помогу сверить. Ты покажешь, где смотреть, и пойдёшь.

Лада провела пальцем по краю карточки. Утром она собиралась выспаться без будильника, потом отрезать ткань для новых наволочек. Простые планы, не требовавшие ни чужого присутствия, ни удачного окна в расписании.

— Проверить надо после сушки, — сказала она. — Не до.

— Разумеется. Ещё немножко, Лада. Правда последнее. Потом до воскресенья никаких внеплановых выходов.

Мира говорила мягко, с той доверительной уверенностью, которая означала: ты понимаешь всё без долгих объяснений. Ладе нравилось принадлежать к людям, которым не объясняют долго. Она вспомнила, как год назад Мира сидела с ней ночь возле неисправного внутреннего затвора: тогда всего-то требовалось приносить инструменты и не уходить. Мира не ушла.

— К семи, — сказала Лада. — Раньше не зови.

Мира благодарно сжала её плечо, забрала чужие чашки и унесла их на кухню. Рейку она оставила прислонённой к стене. Сторож понемногу перестал качаться.

Лада загрузила стенд только в девять. Пока выправляла историю снятых элементов, дважды приходилось открывать дверь: сначала вернуть оконную ручку, потом показать, где лежит

чистая подкладка. Она вынула из-под лотка две карточки и положила рядом. Карандаш упал под стол; Лада долго смотрела на него, прежде чем наклониться.

Три часа сушки стенд отсчитывал сам. На экране не было строки, в которую можно было внести остаток её вечера.

Глава 4. Пустая строка

Утром оранжевый ящик оказался не там, где Мира ожидала его увидеть. Он стоял открытым на столе, и обе защёлки торчали в стороны. Комплекты оставались на держателях. Сушка закончилась ночью; панель показывала правильное время и допустимую влажность.

Лада сидела перед двумя манжетами.

— Семь ровно, — сказала Мира, стараясь говорить бодро. — Никого раньше не привела.

Лада не ответила. Она медленно перевернула одну карточку, затем другую. На столе лежали карандаш, короткая проволока, пустая миска. Силуэт сторожа отбрасывал тень на край журнала.

— Ты всю ночь здесь?

— Нет. Уходила. Потом вернулась.

Мира поставила принесённую чашку подальше от деталей. Через сорок минут Ратмир и Ева должны были начать одеваться. Дан уже проверял режим возврата, Влас относил инструменты в шлюзовую. Всё было устроено так, чтобы никто не ждал другого. Мира даже нашла себе замену на утренней доске просьб: Сава согласился собирать записки, пока она будет на шлюзе. Решать технические вопросы ему не требовалось.

Лада положила карточки рядом.

— Эта говорит, что левая манжета прошла второй осмотр. А номер здесь от правой.

Мира наклонилась. Цифры были знакомые, смысл несоответствия пока оставался где-то вне их очертаний.

— Ты их местами положила?

— Возможно.

— Тогда переставить.

— Возможно, я карточки переставила. А возможно, отметила не ту. Это разные вещи.

Лада отодвинула детали от края стола. Говорила она негромко, и от этого Мире хотелось говорить ещё быстрее: заполнить паузу, вернуть утро в его готовую форму.

— Датчики показывают, что всё хорошо.

— Они показывают влагу и давление. Канавку датчик не смотрел. И мою руку вчера не видел.

— Давай проверим заново.

— Нужно восстановить порядок. Снять, осмотреть, если надо, вымыть. Потом сушить то, что снова намочим. После меня проверить должен другой человек, который знает процедуру.

— Ратмир знает.

— Знает. Но я сейчас не начну.

Последние слова прозвучали буднично. Мира посмотрела на часы и почувствовала раздражение, почти немедленно сменившееся стыдом. Она ведь не приказывала. Спрашивала, договаривалась, подбирала удобный час. Вчера Лада сама сказала: можно.

У двери остановился Влас.

— Я инструменты разложил. Муфту пока не открывал.

— И не открывай, — сказала Лада.

Он перевёл взгляд на Миру. Она не дала ему никакого знака; на этот раз нечего было подтверждать.

Лада поднялась. Её широкая ладонь легла на стол, словно ей понадобилась опора. Серебристая прядь у виска стояла неровно, придавленная во сне и не приглаженная. Только теперь Мира увидела, что ворот рабочей рубашки застёгнут на чужую петлю.

— Позови Еву, — попросила Лада Власа. — Надо передать остановку.

Влас осторожно снял со стены небольшой переносной светильник и направил его на манжеты.

— Так лучше видно, — сказал он. — Вчера тут тень была.

Лада посмотрела на светлую канавку, потом на него.

— Спасибо. Оставь так.

Мира поймала короткую надежду: сейчас они увидят, что нужно увидеть, и ошибка окажется только вчерашней тенью. Но Лада отвернулась от стола. Она не собиралась пользоваться новой лампой сегодня утром. Сначала требовалось другое, и это другое невозможно было принести, подкрутить или подержать за край.

Из браслета Мира раздался сигнал от Агаты. Мира погасила его, не отвечая. Агата наверняка хотела спросить, можно ли включать большой чайник для ранних посетителей. До сих пор на такой вопрос всегда находился короткий ответ. Сейчас Мира даже не помнила, к какому контуру подключён чайник.

— Я могу посидеть здесь, пока ты поешь, — сказала Мира.

Лада сняла со шнура ключ от шкафа с чистыми лотками.

— Я не есть хочу. Спать.

Мира обвела взглядом помещение, ища работу, которую можно снять немедленно, чтобы остальное вдруг стало выполнимым. Чашки она вчера унесла. Ручку починили. Ужин принесли. Влас помогал. Каждый сделал что-то полезное, а Лада всё равно стояла перед ней, не способная начать ещё одну проверку.

Ева пришла уже в нижней рабочей одежде. Выслушала, сверила номера и сняла предварительную отметку допуска с обеих карточек. Ратмир появился следом. Лада показала ему несоответствие, не оправдываясь. Он не спросил, сколько минут им надо потерпеть.

— Оба пока оставляем? — уточнил он.

— Оба. Я хочу пройти историю целиком.

— Хорошо.

Мира ожидала от него хотя бы досады. Он посмотрел на пустое место в журнале, потом на неё.

— Дан уже остановил подачу в участок?

Она вздрогнула и вызвала Дана. Тот ещё держал коллектор на ограниченном потоке; полное отключение планировалось только по разрешению пары, готовой к выходу. Мира сказала, что разрешения не будет.

— Понял. Оставляю малый возврат, — ответил Дан. — Придётся перенести прачечную. И длинный душ закрыть.

— На сколько?

— Сначала скажи, когда ремонт. Потом посчитаю. Питьё и кухня остаются.

Мира не смогла назвать время. На доске возле её места уже висели обещания, опиравшиеся на утренний ремонт: тёплая вода для большой стирки, уборка в детской, работа с рассадой. Восемь человек освободили себе часы. Она мысленно видела, к кому можно сходить, кого убедить поменяться. За каждой следующей дверью возникала ещё одна дверь.

Лада сложила карточки в прозрачный карман, закреплённый на ящике. Ключ оставила на столе.

— Если что-нибудь тронете, запишите что, — сказала она. — Не восстанавливайте потом по памяти.

Она пошла к выходу, задержалась возле театральной рейки и потянулась поправить вниз головой висевшего сторожа. Потом всё-таки оставила его так и вышла.

Мира не окликнула её. Из галереи донёсся смех; кто-то открыл ручей после ночного перебива, и вода зашумела по мелким камням. Ева стояла рядом с Ратмиром, Влас ждал указаний,

Дан оставался у пульта. Люди были на местах, запасная муфта лежала в кладовой, исправный реактор давал энергию.

Мира опустила глаза на журнал.

Под словом «Готовность» никто не поставил подпись.

Глава 5. До следующего звонка

Ева и Ратмир ушли, Влас отправился убирать приготовленные инструменты. Мира перевернула карточку готовности. На обороте было сухо и пусто, словно нужная подпись могла спрятаться там от всех, кому утром понадобилась.

Из комнаты оборота исчезли только Ладины тапочки. Оранжевый ящик стоял раскрытый; обе сухие манжеты лежали рядом на чистом лотке. Мира потянулась переставить их ближе к свету и остановилась. Если она переставит вещь, о которой ничего не знает, кому потом объяснять, где та лежала?

Она сняла со стены инструкцию, принесла сухую подставку и положила на неё карточку. В инструкции значились проверка комплектности, разбор, очистка, осмотр, сушка, сборка, независимая проверка. Против каждого действия был напечатан перечень деталей. Никаких тайных знаний: даже щётки изображены сбоку и сверху. Мира почувствовала почти обиду за то, что вчера это показалось непосильным.

По связи позвал Дан.

— Мне закрывать прачечную на весь день или до обеда?

— Пока до обеда.

— Это ответ для меня или для тех, кому ты не хочешь портить утро?

Мира повернула карточку обратно.

— До вечера. Напиши: время пересмотрим в восемнадцать.

— Уже лучше. Восточный идёт с потерями, уровень медленно сползает. Это не значит, что в восемнадцать он услышит объявление и передумает.

В его голосе не было обычного смеха. Мира попросила прислать график ограничения, а сама стала искать в инструкции строку о несовпадении бирок.

Строка была. Следовало восстановить принадлежность частей по серийным меткам и записи предыдущего разбора. До этого начинать сборку запрещалось. Мира вызвала Власа: он проходил подготовку и имел право делать очистку по инструкции, хотя выпускать комплекты не мог. Через семь минут тот пришёл с учебной тетрадью, в которой углы страниц были заклеены прозрачными полосками.

— Ладу позвать?

— Нет.

— Я только спрошу, какой из них...

— Она спит.

Влас посмотрел на открытый ящик и сел читать инструкцию. Мира впервые заметила, что стул здесь один. Притащила второй, из коридора, и записала на отдельном листе: начало, восемь сорок.

— Нас проверяют? — спросил Влас.

— Я хочу понять, когда это кончится.

Метки находились под мягкими накладками, которые нельзя было отрывать. Их поднимали плоской лопаткой. У третьей накладке Влас задержался: край присох, он боялся порвать. Пока искал подходящий угол, в дверь просунулась женщина с разобранной застёжкой детского рукава.

— Лада всегда мне её зажимает. Это буквально один раз нажать.

Мира отвела женщину в коридор, выяснила, что ребёнок без застёжки не замёрзнет, отыскала в расписании ремонтную мастерскую и вернулась. Влас держал накладку поднятой.

— Мне продолжать? Вы сказали сверять вдвоём.

На листе появилось: девять двенадцать, остановка семь минут.

Через двадцать минут понадобилась тележка. Мира вывела её из угла, но нашла на ручке записку Агаты: заберу к десяти, земля для рассадных ящиков. Снизу тем же почерком было добавлено: Лада знает.

Влас объяснил, что без тележки контейнер с мокрыми деталями можно донести вдвоём. Мира уже взялась за ручку контейнера, когда пришёл вызов из жилого сектора: обещанный вчера сменщик не явился к пожилому соседу, которому требовалась помощь с умыванием. Позвонить другому было нетрудно. Трудно оказалось услышать от второго человека, что он тоже ждёт чьей-то помощи, и перестать считать это личной цепочкой Миры.

Когда она вернулась, Влас стоял на прежнем месте. На сухом столе лежали только две подтверждённые бирки.

— Ты мог бы пока...

— Что?

Она не договорила. От неё ждали ясного задания, а она сердито предлагала угадывать.

В одиннадцать Дан прислал снимок пульта. Красная полоса потерь была тонкой, но тянулась без разрыва.

— Ты видишь, сколько у нас воды? — спросила Мира.

— Вижу. А чего ты хочешь от числа?

— Понять, сколько есть времени.

— Для какого расхода? Для питья время одно, для твоего обещания открыть душ вечером другое. Если совсем остановим возврат, полным накопителем жили бы тридцать шесть часов на минимуме. Сейчас он не полный, зато возврат есть. Я могу держать ограничение, не могу дать тебе красивый срок и уйти.

Мира села на второй стул. Влас молча придвинул ей стакан.

К полудню выяснилось, что перепутаны не детали, а две подвесные бирки, снятые при очистке. Серийные метки совпали с записью старого разбора. Но отметки об очистке уже не позволяли уверенно сказать, какую манжету Лада осмотрела последней. Повторять весь оборот не требовалось; заново пройти обе сомнительные детали было необходимо. Там, где их снова намочат, понадобится новая сушка. Мира ощутила облегчение столь сильное, будто починили сам коллектор. Но в графе готовности ещё не появилось ничего. Всё, что удалось сделать за утро, — вернуть работе надёжное начало.

Влас свернул тетрадь.

— У меня в двенадцать учебная связь. До часу.

Мира знала про связь. Она сама помогала поставить её в расписание, радуясь, что парень наконец занимается последовательно. Теперь ей захотелось сказать, что один урок ничего не решит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.